

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.3>

Волкова Ирина Владимировна

ПРОВИНЦИЯ СИНЬЦЗЯН В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1941-1942 ГГ.)

Статья посвящена анализу взаимодействия СССР с Национальным правительством Китайской Республики и администрацией Шэн Шицзя относительно провинции Синьцзян в 1941-1942 гг. На основе характеристики обстановки на Дальнем Востоке в начале 1940-х гг. автор выявляет факторы, повлекшие ослабление позиций Москвы в Восточном Туркестане, прослеживает изменения в политическом курсе НКВД СССР. Внимание в работе также уделено механизму действий Чан Кайши по вытеснению советского влияния из Северо-Западного Китая и укреплению в регионе власти Гоминьдана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/3/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 20-24. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94; 327(470:510.4)“1941/1942”

Дата поступления рукописи: 22.01.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.3>

Статья посвящена анализу взаимодействия СССР с Национальным правительством Китайской Республики и администрацией Шэн Шицай относительно провинции Синьцзян в 1941-1942 гг. На основе характеристики обстановки на Дальнем Востоке в начале 1940-х гг. автор выявляет факторы, повлекшие ослабление позиций Москвы в Восточном Туркестане, прослеживает изменения в политическом курсе НКВД СССР. Внимание в работе также уделено механизму действий Чан Кайши по вытеснению советского влияния из Северо-Западного Китая и укреплению в регионе власти Гоминьдана.

Ключевые слова и фразы: советско-китайские отношения; СССР; внешняя политика; Синьцзян; Шэн Шицай.

Волкова Ирина Владимировна

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре
mlee1992@mail.ru*

ПРОВИНЦИЯ СИНЬЦЗЯН В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1941-1942 ГГ.)

Сегодня проблема перераспределения сфер влияния в мировой политике и экономике сохраняет свою **актуальность**. Даже при том, что Россия и Китай выступают значимыми стратегическими партнерами на Дальнем Востоке, их стратегические интересы сталкиваются в Средней Азии. Это проявляется в постепенном расширении интеграции бывших среднеазиатских республик СССР в экономику Китая и как следствие ослаблении позиций России в этих субъектах. Исторические примеры подобного рода взаимодействия имели место и на протяжении первой половины XX века. Характерной особенностью, свойственной советско-китайским отношениям этого периода, являлась их контрастность. Сближение и расхождение политических интересов неоднократно становилось причиной стремительного перехода сторон от взаимовыгодного сотрудничества к конфронтации.

В настоящее время многие аспекты истории советско-китайских отношений требуют повторного рассмотрения и переоценки. Это в полной мере относится к вопросу о советском влиянии в Северо-Западном Китае в 1930-е – начале 1940-х гг. На протяжении длительного времени в советской историографии за пределами внимания исследователей оставались глубинные мотивы политики СССР в Синьцзяне по укреплению собственных позиций в регионе и ответная реакция со стороны центрального и провинциального правительства.

При этом историографией накоплен большой объем фактографического материала, не получивший обобщения, что обуславливает **новизну** исследования. Основной **задачей** данной работы является анализ официальных документов, отечественных и зарубежных исследований с целью выявления причин и раскрытия механизма сокращения советского влияния в Синьцзяне в 1941-1942 гг.

В 1930-е гг. Синьцзян (Восточный Туркестан) – удаленный, преимущественно мусульманский (около 70% населения), северо-западный район Китая, в котором этнические китайцы составляли меньшинство (не более 10%) – был активно вовлечен в советскую внешнюю политику [5, с. 20]. Оказывая поддержку провинциальному правительству, возглавляемому военным губернатором (дубанем) Шэн Шицаем, Москва добилась фактического включения региона в сферу своего влияния.

С 1934 г. позиции СССР в Синьцзяне были наиболее стабильны. Это выражалось в постоянном присутствии на территории провинции группы советских военных советников, ориентации внешней торговли Восточного Туркестана на среднеазиатские республики СССР. В то время как Национальное правительство Китайской Республики, сформированное партией Гоминьдан (ГМД) под руководством Чан Кайши, преследовало коммунистов, организуя военные экспедиции против советских районов, власти Синьцзяна не препятствовали пропаганде идей социального и национального равенства. Более того, с 1938 г. глава провинции Шэн Шицай являлся членом ВКП(б).

В то же время администрация Синьцзяна предоставила СССР широкие права в области разведки и разработки месторождений полезных ископаемых на территории Восточного Туркестана. В районе Тушанцзы функционировало совместное советско-синьцзянское предприятие по добыче и переработке нефти. Советские специалисты были задействованы в проведении геолого-изыскательских работ в провинции.

После начала летом 1937 г. японо-китайской войны через Синьцзян был проложен основной путь транспортировки оружия и боевой техники для Национально-революционной армии из СССР в счет предоставленных Москвой кредитов. Автотрасса Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу протяженностью более 3 тыс. км стала фактической «дорогой жизни» для Китая, или «дорогой дружбы», как ее называли советские специалисты [7, с. 206; 9, с. 41]. На обслуживании этой важной стратегической коммуникации было задействовано около 4 тыс. граждан СССР, более 5,5 тыс. грузовых вагонов и 5,2 тыс. автомобилей ЗИС-5 [4, с. 79]. В конце 1940 г. в районе г. Хами (по другим данным в 40 км от Урумчи) советскими специалистами был построен и пущен в эксплуатацию авиасборочный завод № 600, осуществлявший сборку истребителей И-16 [6, с. 234].

Однако тот факт, что Национальное правительство не препятствовало сближению Кремля и администрации Шэн Шицай, а в случае с авиасборочным заводом даже было инициатором такого рода деятельности, вовсе не означал, что Чан Кайши отказался от идеи возвращения полного контроля над Синьцзяном. Отношения между Москвой, Урумчи и Чунцином (временной столицей Китайской республики в конце 1938 – 1945 г. – *И. В.*) начали трансформироваться уже в конце 1939 г.

Характер политики Чан Кайши определяла его идея о возрождении сильного и независимого Китая. В рамках этой концепции восстановление контроля Национального правительства над всеми «исконно китайскими» регионами, в число которых входил и Синьцзян, выступало обязательным условием завершения объединения страны. По мнению Чан Кайши, природные ресурсы северо-западных провинций должны были стать основой развития промышленности и как следствие – укрепления всей экономики Поднебесной. Это вызывало столкновение советских и китайских интересов, поскольку, с точки зрения Чан Кайши, курс СССР в Синьцзяне был аналогичен политике Японии по отторжению Маньчжурии. Отличие состояло лишь в том, что Токио прибегал к военной силе, тогда как основным инструментом Москвы была коммунистическая пропаганда, подрывавшая авторитет Гоминьдана с целью добиться автономии Восточного Туркестана по примеру Монгольской Народной Республики [2, с. 146].

На начальном этапе японо-китайской войны лидер ГМД был вынужден сохранять максимальную осторожность в диалоге с Москвой и Урумчи. Перейти к более решительным действиям он смог только после относительной стабилизации обстановки на фронте. К концу 1939 г. наступление императорской армии в Китае существенно замедлило свой темп. Несмотря на то, что противостояние приобрело форму затяжной позиционной войны, положение Чунцина продолжало оставаться сложным.

В то же время обозначился кризис единого антияпонского фронта. В отношениях ГМД и КПК нарастала напряженность. Возросло количество инцидентов, повлекших вооруженные столкновения войск Гоминьдана с коммунистическими отрядами. Совместно ведя борьбу против японской агрессии, обе стороны стремились сохранить силы для возобновления гражданской войны после поражения Токио и не допустить укрепления позиций друг друга [1, с. 27, 38, 65]. В этом контексте дальнейший рост советского влияния на северо-западе Китая был не выгоден Чан Кайши.

Начало в 1941 г. Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане позволило Чан Кайши занять более жесткую позицию в отношении Синьцзяна. В первую очередь, это было связано с резким изменением расстановки сил в регионе. Основные события для Москвы разворачивались на советско-германском фронте. СССР уже не мог в прежнем объеме задействовать рычаги давления для защиты позиций в Восточном Туркестане и стремился избегать конфронтации с Китаем, чтобы удержать его от возможного компромисса с Японией. Вероятность подобного соглашения сохранялась вплоть до нападения императорского флота на Перл-Харбор – главную базу ВМФ США на Тихом океане. Это являлось крайне важным для Кремля, стремившегося не допустить войны на два фронта, поскольку высвобожденные в Китае войска могли быть задействованы Токио, союзником Берлина по Антикоминтерновскому пакту, для начала боевых действий против СССР на Дальнем Востоке.

В то же время весомость советской поддержки для Китая стала снижаться. Уже в 1940 г. имел место факт временной приостановки поставок оружия. По данным исследования Дж. Гарвера, в течение года запросы Чунцина были выполнены СССР по винтовкам на 13%, по моторам – на 14%, по самолетам – на 28% (Дж. Гарвера не сообщает, учитывался ли при вычислениях запрос Чунцина в марте 1940 г. на 800 тыс. винтовок, 96 гаубиц и др., в дополнение к ордеру от 20 января того же года. – *И. В.*) [Цит. по: 2, с. 104]. Во второй половине 1941 г. Кремль полностью прекратил доставку оружия для НРА.

Такой шаг Москвы был вполне оправданной мерой. Потеря СССР крупных промышленных центров в западных районах страны, утрата значительной части стратегических ресурсов, вооружения и боевой техники потребовали не только полной перестройки экономики, но и привлечения военных материалов для РККА, ранее сконцентрированных в районах Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. При этом Национально-революционная армия уже преодолела кризис первых месяцев войны, а следовательно, сворачивание СССР технической помощи не могло повлечь резкого ухудшения для Китая обстановки на фронте. Начало войны на Тихом океане полностью исключило усиление группировки императорских войск в Поднебесной.

Кроме того, сокращение контактов с Гоминьданом выступало своего рода жестом лояльности в адрес Японии. Это проявилось в ходе обсуждения вопроса о пути транзита в Китай американских военных грузов через Иран, советские республики Средней Азии и Синьцзян, который был способен заменить потерю транспортной магистрали на севере Бирмы, захваченной Японией. НКВД затягивал переговоры, настоятельно ссылаясь на неготовность к увеличению объема перевозок дорожной инфраструктуры Ирана, занятой под транспортировку ленд-лизинговых грузов для СССР. 11 апреля 1942 г. заместитель наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовский в беседе с послом Китая Шао Лицзы неоднократно подчеркивал, что «все силы и все наличные ресурсы [СССР] должны быть направлены на одну задачу – на разгром Германии. Отсюда вытекают и трудности при рассмотрении китайской просьбы» [8, с. 691-692]. При этом советский представитель отметил, что решение о транзите может быть принято только после консультации с компетентными специалистами, работавшими в Иране, а «их вывод трудно предсказать» [Там же, с. 692].

Однако консервация вопроса о транзитных перевозках оружия не означала полного отказа СССР от диалога. В частности, Москва положительно отнеслась к просьбе Чунцина о поставках в Китай ежемесячно через свою территорию до 3 тыс. тонн американского горючего (или его обмене на советское). Как следует из записи беседы посла СССР в Китае А. С. Панюшкина с генералом Пу Даомином, начальником отдела советников при военном комитете Китая от 16 мая 1942 г.: «...в связи с военной обстановкой потребность в горючем у Советского Союза значительно возросла. Все же горючее Китаю СССР даст» [Там же, с. 693-694]. Но объемы и пути транспортировки нефтепродуктов при этом не оговаривались.

В диалоге с представителями Чунцина советские дипломаты прибегали к расплывчатым формулировкам, не давая однозначных гарантий. Такая политика Кремля была продиктована стремлением, не разрывая контактов с Китаем, избегать действий, которые могли быть истолкованы в Токио как провокационные и послужить поводом для оказания ответной помощи Берлину. Тем не менее руководство ГМД интенсивно переориентировало свой внешнеполитический курс на сотрудничество с США, ставшими не просто стратегическим, а реально воюющим и весьма перспективным союзником. В результате Восточный Туркестан постепенно утрачивал значение как регион, где располагалась магистраль, связывавшая СССР и Центральный Китай.

В этой обстановке Чан Кайши начал кампанию по возвращению контроля над Синьцзяном. В марте 1942 г. он предпринял шаги для сближения с Шэн Шицаем. Ведение переговоров с дубанем было возложено на Чжу Шаоляна, командированного в Урумчи на должность командующего 8-м военным округом. Перемены в позиции губернатора Синьцзяна были вызваны его неуверенностью в способности СССР отразить агрессию Германии и удержать свои позиции на Дальнем Востоке. В русле новой политики Шэн Шицай приступил к отстранению от занимаемых должностей в руководстве провинции членов КПК, запрету мероприятий советско-китайских общественных организаций, действовавших под патронатом генконсульства СССР. Таким образом, Чунцин получил подтверждение намерений дубаня осуществлять курс на постепенное свертывание отношений с Москвой.

В дальнейшем, реализуя стратегию по сокращению советского присутствия в Синьцзяне, Чунцин и Урумчи уже активно сотрудничали. Механизм их действий выглядел следующим образом. Шэн Шицай усиливал давление на СССР, дестабилизируя советско-синьцзянские отношения. Чунцин, не признавая своей ответственности за обострение обстановки, предлагал посреднические услуги, настаивая на том, что конфликтной ситуации можно избежать, если Кремль будет вести переговоры не с Урумчи, а с руководством ГМД [10, р. 165]. С одной стороны, это позволяло Чан Кайши продемонстрировать силу центральной власти, а с другой – минимизировать негативные последствия от событий в Синьцзяне для советско-китайских контактов в целом.

Антисоветская кампания началась с ареста 300 граждан СССР и местных коммунистов, поводом для которого послужило убийство 29 марта 1942 г. брата Шэн Шицай – Шэн Шици, не поддержавшего изменения политического курса. Следствие по факту смерти Шэн Шици было представлено как раскрытие «коммунистического заговора», «целью которого якобы является захват власти в провинции и физическое устранение губернатора» [3, с. 110]. Оно было использовано в качестве предлога для обращения Шэн Шицай в Москву с требованием об отзыве из Синьцзяна ряда советских представителей, в том числе генконсула СССР в Урумчи Бакулина и военного советника Ратова, обвиненных в антиправительственной деятельности (Бакулин был отозван «для консультаций», Ратов – окончательно. – *И. В.*). Последовавшие за этим преследования коммунистов и просоветски настроенных политических деятелей и военных в Синьцзяне носили массовый характер. По данным Дж. Гасанлы, число репрессированных в 1942 г. достигло в регионе 100 тыс. чел. [Там же, с. 116].

На обострение обстановки в Восточном Туркестане Москва отреагировала резким заявлением в адрес провинциальных властей. В письме В. М. Молотова к Шэн Шицаю от 3 июля 1942 г. прямо указывалось: «...по слухам, циркулирующим в Синьцзяне и Москве, виновником смерти Шэн Шици называют Вас, г. Дубань» [8, с. 700].

Кремль также делал акцент на Сианьских событиях 1937 г., напоминая о готовности Урумчи поддержать мятежников и неоднократно поступавших предложениях о вхождении Восточного Туркестана в состав СССР. Молотов по этому поводу писал Шэн Шицаю: «...еще в 1934 г. Вы обратились к Советскому Правительству с предложением о “скорейшем осуществлении коммунизма в Синьцзяне и распространении его на Ганьсу и Шэньси”, и при том указывали, что видите единственный путь для спасения Китая и Синьцзяна в свержении Центрального Правительства Китая во главе с Чан Кайши. <...> ...в декабре 1936 г. <...> Вы заняли позицию полной и безоговорочной поддержки Чжан Сюэляна и его действий и имели намерение выступить открыто с заявлением об оказании Чжан Сюэляну всяческой поддержки со стороны Синьцзяна. <...> Наконец, в январе 1941 г. вы обратились к нам с предложением отложиться от Китая, создать советскую республику и включить ее в состав СССР, мотивируя это наличием “удобного случая, когда английские империалисты и Чан Кайши не могут вмешиваться в дела Синьцзяна”...» [Там же, с. 701-702]. Таким образом, Москва недвусмысленно намекала, что огласка прежних враждебных выпадов дубаня в адрес Национального правительства способна сделать его неприемлемым союзником для Чан Кайши и повредить дальнейшей политической карьере. Единственным гарантом стабильности режима Шэн Шицай и его защиты от возможной негативной реакции Чунцина представлялся СССР.

При этом провинциальной администрации была оставлена возможность для маневра. Основная вина за переход провинциальных властей к репрессивной политике возлагалась на «скрытых агентов враждебной Китаю империалистической державы, которые хотят испортить отношения между Китаем и СССР, подорвать положение в Синьцзяне...» [Там же, с. 701]. Это было своего рода предоставлением шанса Шэн Шицаю изменить курс, сохранив политический авторитет. В конце письма В. М. Молотов высказывал надежду, что «дубань сделает для себя необходимые выводы» [Там же, с. 702]. Однако, ограничившись этими заявлениями, Кремль не предпринял более решительных шагов по отношению к Урумчи.

В контактах с Чунцином НКВД через своих представителей подчеркивал, что помощь СССР Синьцзяну была мотивирована исключительно стремлением сохранить там китайский режим. Чан Кайши, со своей стороны, использовал обращение к нему советских представителей для перехвата инициативы. 16 июля 1942 г. в ходе беседы с послом СССР А. С. Панюшкиным он заявил, что намерен послать своего представителя

Чжу Шаоляна «для расследования дела на месте, для принятия соответствующих мер, а также для установления контроля над Шэн Шицаем» [Там же, с. 703-704]. Кроме того, он рекомендовал Москве в дальнейшем обращаться по всем вопросам Синьцзяна непосредственно к Центральному правительству в Чунцине, «во избежание повторения всевозможных недоразумений» [Там же, с. 704].

В это же время события на советско-германском фронте складывались таким образом, что синьцзянский вопрос существенно вышел за рамки внутрирегиональной борьбы за сферы влияния. Летом 1942 г. немецкое наступление, развернутое в направлении Дона и Волги, угрожало блокадой основных магистралей для транспортировки нефтепродуктов из Закавказья. Так как к середине 1941 г. добыча нефти в СССР восточнее Урала составляла лишь 20% от общего объема, создавалась серьезная угроза остановки промышленных предприятий на территории Сибири [10, р. 171]. В данной обстановке существенно возросла значимость сохранения за СССР права на эксплуатацию нефтяных месторождений в Тушанцзы. Это вынуждало Кремль действовать осторожно, выстраивая диалог с Шэн Шицаем.

Ввиду важности вопроса дипломатическая миссия была возложена на заместителя наркома иностранных дел В. Г. Деканозова. В июле 1942 г. он провел несколько встреч с Шэн Шицаем, пытаясь оказать давление на дубаня. В ходе переговоров Деканозовым были переданы письма В. М. Молотова, в которых содержалось указание на неприемлемость позиции Шэн Шицая как члена ВКП(б), а также негативных последствий для его политической карьеры в случае продолжения им прежней политики. Из общего тона параллельных переговоров с Чунцином следовало, что Москва не возражала против участия Центрального правительства в управлении нефтекомбинатом в Тушанцзы. Уступая Чан Кайши, СССР пытался добиться признания легитимности своих предприятий в Синьцзяне [Ibidem, р. 166-167]. Тем не менее в ноябре 1942 г. советская сторона была вынуждена согласиться на вывод войск и специалистов из Восточного Туркестана, а также приступить к эвакуации комбинатов в Хами и Тушанцзы. Однако переговоры, продолжавшиеся до апреля 1943 г., не дали результатов. Ввиду того, что военное положение СССР не позволяло ему рисковать конфликтом с Китаем из-за Синьцзяна, Москва вывела из Хами 8-й полк РККА и персонал предприятий, сократив объемы торгового оборота с Восточным Туркестаном [3, с. 120].

Состояние советско-китайских торговых связей в Синьцзяне на конец 1942 г. характеризовала записка В. Г. Деканозова и К. А. Крутикова в Москве от 15 декабря. В ней отмечалось: «Поставки товаров для экспорта в Синьцзян в зимний период 1941/42 г., производились в недостаточных количествах. Однако, принимать сейчас специальные решения об усилении завоза товаров в Синьцзян, впредь до выяснения условий нашей дальнейшей торговли там, представляется нецелесообразным» [8, с. 706]. Наличие препятствий для осуществления советским торгогенством своей деятельности подтверждается справкой наркомата внешней торговли СССР о состоянии расчетов по Синьцзяну от 15 декабря 1942 г. В документе указывалось: «Получить местную валюту от продажи наших товаров на приемлемых для нас условиях в создавшейся обстановке пока не представляется возможным. По условиям введенной в Синьцзяне монополии внешней торговли продавать товары купцам мы не можем, а правительственные организации, судя по заявлению директора Департамента Финансов, наши продажные цены при продаже товаров за наличные считают для себя неприемлемыми» [Там же, с. 707]. На этом фоне советские дипломаты не прогнозировали полного разрыва экономических связей с провинцией, но констатировали снижение объемов товарооборота и не видели оснований для его наращивания до получения гарантий выполнения контрактов китайской стороной.

Таким образом, после начала в 1941 г. Великой Отечественной войны основные задачи советской внешней политики на Дальнем Востоке ограничивались поддержкой дружественных контактов с Китаем при сохранении статуса-кво в отношениях с Японией. Вместе с тем вопрос об оказании военно-технической помощи Гоминьдану стал второстепенным для Кремля. В 1942 г. Чан Кайши использовал тяжелое положение на советско-германском фронте для вытеснения СССР из Северо-Западного Китая. Ухудшение экономических связей и снижение политического влияния оказывали друг на друга взаимное негативное воздействие, приводя к общему ослаблению позиций СССР в Синьцзяне. Следует констатировать, что смещение приоритетов во внешнеполитическом курсе Советского Союза, а также изменение баланса сил Москвы и Чунцина в регионе свели к нулю усилия Кремля по перераспределению сфер влияния в Восточном Туркестане.

Список источников

1. **ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы:** в 5-ти т. / ред. колл. М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. 752 с.
2. **Галенович Ю. М.** Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008. 372 с.
3. **Гасанлы Дж. П.** Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931-1949) / пер. с азерб. Ф. Гаджиева. М.: Флинта, 2016. 360 с.
4. **Дубинский А. М.** Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937-1945 гг. М.: Мысль, 1980. 279 с.
5. **Калягин А. Я.** По незнакомым дорогам (записки военного советника в Китае). М.: Наука, 1979. 445 с.
6. **Мухин М. Ю.** Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930-1940-е годы // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 234-236.
7. **По дорогам Китая. 1937-1945. Воспоминания** / сост., отв. ред. Ю. В. Чудодеев. М.: Наука, 1989. 368 с.
8. **Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы** / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. Т. 4. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1. 1937-1944 гг. 870 с.
9. **СССР и Китай в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны** / Центральный музей Великой Отечественной войны; Мемориальный музей антияпонской войны китайского народа. М.: Вече, 2015. 160 с.
10. **Garver J. W.** Chinese-Soviet Relations, 1937-1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 1988. 301 p.

XINJIANG PROVINCE IN THE SOVIET-CHINESE RELATIONS (1941-1942)**Volkova Irina Vladimirovna***Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur
mlee1992@mail.ru*

The article is devoted to analysing the interaction of the USSR with the National Government of the Republic of China and Sheng Shicai's administration regarding Xinjiang Province in 1941-1942. Characterizing the situation in the Far East at the beginning of the 1940s the author identifies the factors that caused the weakening of Russia's position in Eastern Turkestan, traces changes in the political course of the People's Commissariat for Foreign Affairs. Special attention is paid to the analysis of Chiang Kai-shek's policy aimed to weaken the Soviet influence in North-western China and to consolidate Kuomintang's power in the region.

Key words and phrases: Soviet-Chinese relations; The USSR; foreign policy; Xinjiang; Sheng Shicai.

УДК 94(47)«1970/1980»

Дата поступления рукописи: 12.12.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.4>

Проанализированы основные формы и методы сотрудничества нефтяных и газовых предприятий Саратовской области с образовательными учреждениями области в условиях 1960-1980-х гг. Предпринята попытка на основе архивных материалов выявить особенности, проблемы и достижения профориентационной работы. Показано, что тесная шефская связь, установившаяся между предприятиями и школами, позволила привлекать выпускников на работу непосредственно на нефтегазовые промыслы или в ряды студентов образовательных учреждений соответствующего профиля.

Ключевые слова и фразы: профориентация; нефтегазовый комплекс; школа; производственное обучение; подготовка кадров.

Грибов Роман Викторович

*Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
kafedra_epir@ssea.runnet.ru*

**ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ
НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1960-1980-Е ГГ.)**

В настоящее время мировое сообщество находится в состоянии новой технологической революции. Чтобы не отстать от ведущих мировых держав, России в ближайшее время необходимо перейти к инновационной модели экономики. Эта стратегическая цель, определённая руководством страны, может быть реализована только в условии эффективного использования трудовых ресурсов. Одним из препятствий на этом пути является количественный и качественный разрыв между потребностями экономики в инженерных и рабочих кадрах и их реальным наличием. Так, в некоторых отраслях промышленности дефицит квалифицированных сотрудников составляет 30-70% [25].

Одной из причин кадрового дисбаланса в современной экономике является непривлекательность инженерных и рабочих профессий среди населения, а также малоэффективная система профессиональной ориентации. Эти проблемы были порождены «переходными реформами» 1990-х годов. Их результатом стал тяжелейший экономический кризис, повлекший за собой разрушение производственных мощностей, и, как следствие, стремительный отток квалифицированных кадров в сферу услуг и торговли. Изменилась ситуация на рынке труда: произошел спад интереса к техническим и инженерным специальностям и, как следствие, уменьшилось предложение подобного рода специалистов. Данная тенденция сохранилась и в последующие десятилетия, вплоть до настоящего времени. Экономическое возрождение многих отраслей промышленности в 2000-е гг. сопровождалось не только общим дефицитом инженерных и рабочих профессий, но и нехваткой специалистов среднего и молодого возраста. Перед руководителями предприятий остро встал вопрос как о сохранении имевшихся, так и поиске новых работников, способных овладеть новейшими технологиями.

Актуальность кадрового вопроса в масштабах всей страны подтолкнула Правительство РФ к разработке в 2013 г. «Стратегии по созданию современной системы подготовки рабочих кадров и формированию прикладных квалификаций» [Там же]. Для обеспечения предприятий и организаций сотрудниками, обладающими определённым набором компетенций, характерных для той или иной деятельности, предполагалось активнее развивать сотрудничество с образовательными учреждениями, внедрять механизм государственно-частного партнерства, который уже зарекомендовал себя в других сферах [8]. Следует отметить, что некоторые предприятия накопили опыт взаимодействия с образовательной средой с целью решения кадрового вопроса. Сегодня многие крупные работодатели осознали, что кадры надо растить уже со школы. И новым трендом последних лет стала разработка программ обучения и развития будущих специалистов со школьных